

Поль Робсон. В памяти трудовой Америки, всех честных людей планеты он навсегда остался примером стойкости и мужества в борьбе за мир и социальный прогресс человечества. Но капиталистическая «белая» Америка до сих пор не может простить выдающемуся артисту, что его удивительный голос звучал не только с концертных эстрад, но и с трибун антифашистских, антивоенных собраний, на рабочих митингах, в пикетах бастующих, что никакая ложь не могла поколебать его любви и уважения к Советскому Союзу, другим социалистическим странам. Еще при жизни Робсона

против него, помимо оголтелой кампании травли вплоть до запрета на выступления, осуществлялся разработанный правительственным аппаратом иезуитский план насаждения в умах американцев, особенно молодых, фальшивых представлений о личности и убеждениях певца. Этот заговор продолжается, как свидетельствуют публикуемые ниже разоблачения, с которыми выступила недавно газета американских коммунистов. Они вновь подтверждают, что правители «свободной Америки» не останавливаются ни перед чем в травле людей с неугодными им мыслями.

DAILY WORLD
CONTINUING THE DAILY WORKER, FOUNDED 1924

Заговор против Робсона продолжается

Энн БРЕЙДЕН

Премьерой в Луисвилле (штат Кентукки) начался «всеамериканский» показ пьесы «Поль Робсон» с Джеймсом Эрлом Джоунсом в главной и единственной роли. За три часа этот спектакль неузнаваемо искажает образ выдающегося американского артиста и общественного деятеля, превращая гиганта в карлика.

Дело вовсе не в Джеймсе Эрле Джоунсе, бесспорно талантливом негритянском актере. Ему приходится произносить текст, впадающий то в нагущный пафос, то в голый фарс и представляющий Робсона, как это ни больно сказать, чем-то вроде клоуна. Все то величие, которое было свойственно ему в жизни, все трудные и спорные вопросы, с которыми он сталкивался и которые с честью решал как художник-гражданин, сознательно исключены из пьесы ее автором, или, вернее, авторами, так как к ней приложили руку сразу трое «драматургов».

Настоящий Робсон — это гигант: не физически, хотя он был высокого роста, а благодаря своему громадному интеллекту, непреодолимой нравственной силе, великому сердцу, которое билось в его песнях. Для многих простых солдат народной борьбы 30-х, 40-х или — подобно мне — 50-х годов Поль Робсон был человеком, вставшим скалой на пути «коричневой чумы», а в конце 40-х годов — на пути поджигателей новой войны. «Этому не бывать!» — заявил он громовым голосом и, подобно скале, выдержал все неистовые попытки властей сломить его волю.

Этот образ, как сказал на пресс-конференции в Луисвилле Поль Робсон-младший (сын певца), «белая элита, правящие классы США» настойчиво пытаются подменить другим. Почти 30 лет ведется пропагандистская кампания, представляющая Робсона, по словам его сына, «слабохарактерным, запутавшимся и поверхностным интеллектуалом, который плохо разбирался в политике и потому стал легкой добычей коммунистов и русских, растратил по мелочам свой большой талант и окончил жизненный путь в горьких сожалениях». Робсон-младший заявил, что такая трактовка образа его отца была разработана еще в 1951 году госдепартаментом на основании меморандума вице-консула США в Аккре, который получил одобрение Джона Фостера Даллеса. Копия этого документа получена недавно Робсоном-младшим по

иску в соответствии с законом о свободе информации.

Теперь распространяется подновленная версия о личности Робсона. В пьесе он предстает этаким милым и мягким человеком, любящим беззлобно и бездумно пошутить, смутно верящим во всеобщее братство людей. Зрители уходят после спектакля, удивляясь, почему же правительство преследовало и травило столь приятного артиста.

В пьесе полностью выхолащено политическое значение всей жизни Робсона. Так, поворотным пунктом в его деятельности стало выступление в Лондоне на митинге солидарности с Испанией, когда он заявил: «Артист должен выбирать, за что он борется, — за свободу или рабство. Я сделал свой выбор». Эти слова, высеченные на могиле Робсона, в пьесе отсутствуют, как нет даже упоминания о поездке в осажденный франкистами Мадрид. Там Робсон пел на фронте перед интербригадами свою знаменитую песню о Миссисипи, именно тогда впервые заменив слова «устал я от жизни, боюсь умереть» на гордый призыв «я буду бороться, пока не умру». Эта новая строка стала боевым кличем антифашистов.

В 1939 году Робсон вернулся в Америку. Его триумф на Бродвее в роли Отелло подробно освещен в пьесе, но нет в ней главного — он всего себя посвятил борьбе за свободу здесь, в США, выступая перед машиностроителями и докерами, шахтерами и рабочими-поденщиками. Через десять лет он приехал в Париж и с трибуны I Всемирного конгресса сторонников мира сделал свое знаменитое заявление: «Глупо думать, что американские негры будут воевать на стороне тех, кто столетиями угнетал нас, против Советского Союза, который на протяжении жизни одного поколения возвысил наш народ, вернув ему человеческое достоинство».

После возвращения Робсон стал мишенью всех реакционных сил в Америке. Он мог бы пойти на попятный, сказав, что его парижское заявление исказили, но нет, Робсон повторил свои слова снова и снова, а в 1952 году добавил: «Пол битвы нашей молодежи и всех борцов за приличную жизнь лежит здесь — в Алабаме, Миссисипи, Джорджии, Кливленде, Чикаго, Сан-Франциско, в каждом городе и на каждом полустанке этой страны, где еще стоит крепость расизма и где нужны люди, чтобы сровнять ее с землей».

Один журналист спросил сына Робсона на пресс-конференции в Луисвилле после премьеры пьесы: «Правильно ли заставлять общественность верить только в то, что говорится об отце вы?»

«Я не собираюсь редактировать или подвергать цензуре моего отца», — ответил он. — Я

добивался только, чтобы люди знали правду, чтобы они могли читать и слышать то, что говорил, во что верил он сам».

Робсон-младший парировал и вопрос другого репортера, попытавшегося заговорить о «флирте» его отца с коммунизмом. «У Робсона никогда не было никакого «флирта» с коммунизмом», — заявил он. — Мой отец серьезно и глубоко изучал марксизм и пришел к выводу, что научный социализм — это единственный путь развития человечества. Он всю жизнь посвятил борьбе за достижение этой цели и никогда не сходил с избранного пути. Весь мир знал об этом еще 40 лет назад».

Но молодое поколение американцев, искавшее для себя жизненные примеры в 60-х и 70-х годах, не знало этого, ибо правящие круги США лишили Поля Робсона возможности выступать публично. Наше новое поколение никогда не слышало его голоса. Не услышит и в пьесе, хотя она и называется «Поль Робсон». Эта подделка — еще одна попытка заста-

Ложь с печатью госдепартамента

Терри КЭННОН

Роджер П. Росс, вице-консул США в Аккре, был вне себя. Стоял январь 1951 года. Росс всего четыре месяца работал в американском консульстве в столице британской колонии Золотой Берег (ныне Республика Гана), но уже был сыт по горло потоком статей в африканской прессе, поддерживавших Поля Робсона и критиковавших США за травлю великого артиста.

9 января 1951 года вице-консул и секретарь по связи с общественностью сел за машинку и начал диктовать меморандум в Вашингтон, в государственному департаменту. С него началась серия печатных клеветнических нападок на Поля Робсона.

«Нет другого вопроса, кото-

На этом снимке Поль Робсон запечатлен во время выступления на одном из митингов протеста против маккартистской антикоммунистической кампании, развязанной в США с начала 50-х годов. Именно таким — мужественным борцом за гражданские права, мир и социальный прогресс — остается выдающийся американский артист в памяти прогрессивного человечества.

«Канадиен трибюн», Торонто.

вить Робсона молчать, даже мертвого, однако миллионы американцев все настойчивее стремятся к правде, начинают сами узнавать, о чем пел и думал выдающийся артист и бое-

пулярном издании, чтобы ее можно было перепечатать и разослать по Африке.

«Было бы лучше, — предупреждал Росс, — чтобы автором стал человек, не имеющий отношения к государственному департаменту». На следующих трех страницах Росс подробно описал, какая именно статья нужна. В ней «следует отдать должное артистическим талантам этого человека, с гордостью написать о его успехах», а затем «необходимо подробно остановиться на приговорной (для такого умного и, казалось бы, достойного лица) приверженности линии коммунистов...»

На меморандуме Росса в госдепартаменте был поставлен гриф «для служебного пользования». Его содержание оставалось тайной, пока Поль Робсон-младший не возбудил в 1972 году судебное дело, потребовав открытой публикации в соответствии с законом о свободе информации. Копия документа тем не менее получена лишь недавно.

На меморандуме стоит также штамп «принято к исполнению» и рукой чиновника госдепартамента сделана пометка: «Статья о Робсоне в «Крайсис» 11.51». Я разыскал указанный номер журнала «Крайсис», издаваемого Национальной ассоциацией содей-

рый коммунисты могли бы легче и действеннее использовать здесь к своей выгоде, — сетовал Росс, — чем негритянская проблема в США в целом и дело Робсона в особенности. Здесь это имеет успех. Здесь сообщения (о положении негров в США) публикуют, им искренне верят, их обсуждают не коммунисты, а по-настоящему возмущенные африканцы, которые в будущем с трудом могут поверить в добрую волю Америки в любом другом вопросе».

И Росс предложил нанести удар по Робсону из-за угла с помощью статьи о нем, написанной «с видимой симпатией» каким-нибудь американцем, «желательно американским негром, преданным интересам своей расы», и опубликованной в каком-нибудь по-

КУЛЬТУРА
ИСКУССТВО

...цветного насе-
...внительно обна-
...статью о Робсоне, кото-
...в точности следует реко-
...мендациям Росса.

Автор клеветнической статьи, опубликованной во влиятельном негритянском издании по прямому указанию госдепартамента, предпочел скрыть свое имя. В списке лишь указано, что «Роберт Элан» — это псевдоним известного нью-йоркского журналиста. Статья называется «Поле Робсон — заблудший пастырь» (Росс предлагал заголовок типа «Робсон: история неудачника»).

«Скорее с сожалением, чем враждебно, — предлагал меморандум, — нужно написать о духовном отчуждении Робсона от родины и основной массы негров». И «Крайсис» послушно сетует на то, «как далеко Поле Робсон отошел от своего народа», ссылаясь при этом на «негритянских лидеров», которые «немедленно поставили под сомнение «правомочность» Робсона выступать от имени американских негров».

Автор анонимки лезет из кожи вон, чтобы выполнить указание Росса о «прискорбной приверженности пеща линии коммунистов», в частности цитируя Уолтера Уайта, одного из руководителей Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, который еще раньше в журнале «Эбони» писал, что «достойна сожаления странная неспособность Робсона разглядеть оппортунизм советской внешней и внутренней политики». Далее Росс настаивал, чтобы политические взгляды Робсона подавались как «болезнь ума и сердца»: В статье используется эта идея: «...следуя линии Сталина, он демонстрирует полную атрофию умения критически воспринимать события».

О лишении Робсона паспорта меморандум советовал написать «искренне и ясно, чтобы африканцы поняли причины столь нелегкого для правительства решения». Читаем у ав-

тора анонимки: «И государственный департамент вынужден был с глубоким сожалением аннулировать заграничный паспорт Робсона, когда тот собирался выехать в Европу, ибо вся его деятельность последних лет ясно указывает на то, что он в первую очередь коммунистический пропагандист и лишь во вторую — певец».

Я специально так подробно продемонстрировал, насколько точно данная статья из журнала «Крайсис» за ноябрь 1951 года следует указаниям госдепартамента. Становится ясно, на что шло американское правительство, дабы только скомпрометировать Поля Робсона, попытаться ослабить то влияние, которое он оказывал на массы в США и за рубежом. Логично предположить, что статья Уайта в журнале «Эбони» за февраль 1951 года, а также передовица газеты «Нью-Йорк таймс», появившаяся примерно в те же сроки, были началом оркестрованной правительством злобной кампании, возобновленной теперь широким показом (в Луисвилле, Сент-Луисе, Филадельфии, Бостоне, Кливленде, Милуоки, Чикаго, Вашингтоне и Нью-Йорке) живой пьесы о Поле Робсоне.

Он был не единственным негритянским лидером, который систематически подвергался клеветническим нападениям. Мартин Лютер Кинг и Малькольм X (лидер организации «Черные мусульмане», убит в Нью-Йорке в 1965 году. — Ред.) также были мишенями расистской пропаганды. Когда клевета не помогла, в ход пустили оружие.

Однако в глазах истории они победили. Как и Поле Робсон. Мир никогда больше не вспомнит имя вице-консула США в Аккре, но всегда будет чтить память выдающегося артиста-борца, который был при жизни и остается после смерти, говоря словами его песни, «самым высоким деревом Америки».

101-58

FOREIGN SERVICE OF THE UNITED STATES OF AMERICA

TO: Department of State

FROM: American Consul, Accra. 179. Jan. 9, 1952. Assigned to Mr. [Signature]

SUBJECT: Voluntary

RE: USIS: Request for Special Story on Paul Robeson. [Signature]

1

USIS in the Gold Coast, and I suspect everywhere else in Africa, badly needs a thorough-going, sympathetic and, regretful, but straight-talking treatment of the whole Robeson episode. Perhaps the right story is already in print, but if not it ought to be specially written. The universality of its usefulness to us in Africa ought to warrant whatever it costs in time and money. Because there's no way the Communists score on us more easily and more effectively, out here, than on the U.S. Negro problem in general, and on the Robeson case in particular. And, answering the latter, we go a long way toward answering the former.

Office of Officer [Signature]

101-58

Копия меморандума вице-консула США в Аккре, в котором государственному департаменту предлагалось разработать «специальную историю о Поле Робсоне». Ручкой чиновника сделана пометка об исполнении.

«Дейли уорлд», Нью-Йорк.